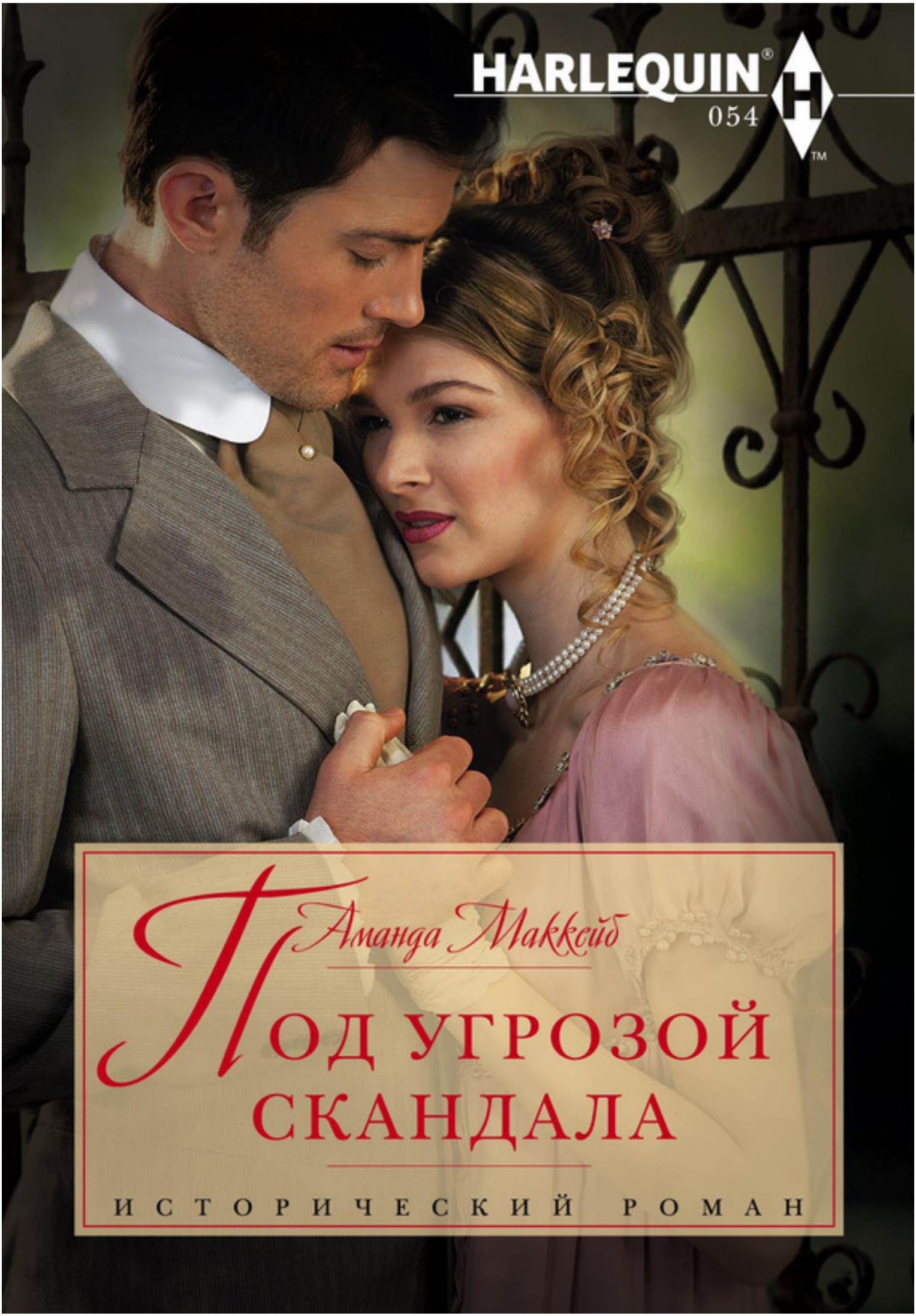
HARLEQUIN
054
Аманда Маккейб
Под угрозой скандала
исторический роман

Исторический роман – Harlequin

Аманда Маккейб

Под угрозой скандала

«Центрполиграф»

2013

Маккейб А.

Под угрозой скандала / А. Маккейб — «Центрполиграф», 2013 — (Исторический роман – Harlequin)

Недавно овдовевшая Эмма Каррингтон с разбитым сердцем возвращается в родной Бартон-Парк, где вновь сталкивается с замкнутым Дэвидом Мартоном, который переживает собственное несчастье – он вдовец, воспитывает дочь. Дэвид был очень удивлен, как здравомыслящая Эмма могла шесть лет назад сбежать с первым же парнем, заинтересовавшимся ею. Молодые люди готовы бороться с растущим влечением друг к другу, но и не могут расстаться – может, это их второй шанс на любовь? К тому же Дэвид ставит обязанности перед дочерью на первый план – не повредит ли ей скандал, связанный с Эммой?..

© Маккейб А., 2013
© Центрполиграф, 2013

Содержание

Пролог 6
Глава 1 13
Глава 2 19
Глава 3 25
Глава 4 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Аманда Маккейб
Под угрозой скандала

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

© 2013 by Ammanda McCabe
© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

* * *

Пролог

Англия, 1814 год

Эмма Банкрофт почти в совершенстве овладела искусством подпирания стен. Всякий раз, принимая приглашение на прием, что бывало нечасто, она не упускала возможности отточить свое мастерство. Сегодня вечером ей представился еще один шанс.

Прислонившись к стене деревенского бального зала и потягивая изрядно разбавленный водой пунш, Эмма наблюдала за собравшимися. Удивительно, но, несмотря на зябкую ветреную погоду, зал был полон. Эмма думала, что большинство благоразумно предпочтет остаться дома, у теплого камина, вместо того чтобы рядиться в муслин и шелк, но длинный узкий зал был буквально забит смеющимися и болтающими людьми, облаченными в роскошные наряды.

Больше всего на свете Эмма сейчас хотела очутиться дома, у камина. Это не значило, что приемы ее совсем не привлекают. Что может быть интереснее, чем наблюдать за людьми? Ей нравилось стоять у стены и прислушиваться к разговорам, рисуя в воображении жизнь этих людей и гадая о тайнах, скрывающихся за их улыбками и светской болтовней. Это было все равно что читать захватывающую книгу.

Однако сегодня Эмма оставила дома, в библиотеке Бартон-Парка, интересную книгу. А еще ее ждал там щенок по кличке Мюррей. Недавно Эмма открыла для себя увлекательный мир ботаники, затмивший собой ее прежние увлечения – елизаветинскую архитектуру и возделывание чая в Индии. Эмма постоянно находила новые темы для самообразования, в настоящее время все ее внимание было отдано растениям. Старая пыльная библиотека, принадлежавшая некогда отцу, скрывала множество удивительных тайн.

В такой вечер, как сегодня, когда в оконные стекла стучит холодный дождь, лучше всего уютно свернуться клубочком в кресле у камина, с чашкой горячего чая и книгой. И чтобы рядом лежал щенок. Но Джейн, сестра Эммы, обычно с удовольствием проводившая вечера в узком семейном кругу, сегодня настояла на выходе в свет. Она даже извлекла из сундука свои роскошные лондонские наряды.

– Я плохая сестра, раз позволяю тебе жить как отшельница, Эмма, – сказала Джейн, держа в руках воздушное светло-голубое шелковое платье. – Тебе всего шестнадцать, и ты такая красивая. Ты должна танцевать, флиртовать с поклонниками и… словом, делать все, что нравится юным красивым леди.

– Мне нравится сидеть дома и читать, – запротестовала Эмма, но вынуждена была признать, что платье и в самом деле прелестно.

Уж во всяком случае, лучше, чем ее традиционный наряд – слегка вылинявший муслин, передник и крепкие грубоватые ботинки. Впрочем, в этом одеянии очень удобно копаться в земле. Джейн позволила сестре надеть жемчужное ожерелье, принадлежавшее когда-то их матери, но Эмма все равно предпочла бы остаться дома.

Или отправиться на охоту за легендарными сокровищами Бартон-Парка, на поиски которых отец потратил почти всю свою жизнь. Но Джейн не обязательно знать об этом. Ей и так забот хватает.

– Я знаю, тебе нравится проводить время дома, в этом-то и вся проблема, – сказала Джейн, роясь в шкатулке в поисках иголки и нитки, чтобы подогнать платье Эмме по фигуре. – Но ты взрослеешь. Мы не можем вечно жить так, как сейчас.

– Почему не можем? – возразила Эмма. – Мне нравится наша жизнь, ты и я, и наш дом. Мы можем делать все, что захотим, и не беспокоиться о…

Об ужасной школе, где заносчивые девчонки смеются и сплетничают, а учитель танцев пристает к Эмме в полутемных коридорах. Какой одинокой она чувствовала себя там. Ее отпра-

вили в школу, когда мать умерла, а Джейн вышла замуж за Хейдена, графа Рэмси. Эмма никогда не рассказывала сестре о том, что ей пришлось пережить. Она вообще никого не собиралась посвящать в свои тайны. В особенности ей не хотелось рассказывать о своей глупой девчачьей влюбленности в симпатичного учителя танцев, этого гнусного человека, воспользовавшегося ее чувствами, чтобы поцеловать в темноте… он хотел большего, но Эмме, к счастью, удалось убежать. Этот случай навсегда отвратил ее от мужчин.

Эмма заметила искорку беспокойства в глазах Джейн, улыбнулась и взяла сестру за руку.

– Конечно, мы должны поехать на бал, Джейн, ты совершенно права, – сказала она, принужденно рассмеявшись. – Должно быть, ты очень скучаешь здесь со мной и моими книгами после роскошной жизни в Лондоне. Мы поедем на бал и как следует повеселимся.

Джейн рассмеялась, но в этом смехе Эмма уловила нотку печали. Эта печаль незримо присутствовала с тех самых пор, как три года назад Джейн привезла сестру в Бартон-Парк. За все это время муж Джейн ни разу не переступил порог их дома. Эмма не знала, что произошло между Джейн и ее мужем в Лондоне, и не собиралась расспрашивать сестру, тем более не хотела прибавлять ей забот.

– Моя жизнь в Лондоне вовсе не была роскошной, – сказала Джейн, – и я ничуть не сожалею, что оставила ее. Но у тебя, Эмма, все впереди, совсем скоро тебе нужно будет выезжать в свет. Деревенское общество, правда, не слишком обширно, но это только начало.

Как раз этого Эмма и боялась… того, что скоро придет ее очередь предстать перед светским обществом и она непременно опозорится. Она слишком импульсивна и понятия не имеет, как справиться с этим.

И вот Эмма стояла у стены, наблюдая и отпивая маленькими глотками пунш, стараясь не испачкать прелестное платье, что одолжила ей Джейн. Перед самым отъездом из Бартона Эмма на мгновение взглянула в зеркало и не поверила своим глазам. Это была не она. Джейн уложила ее белокурые вьющиеся волосы в красивую прическу и украсила ее лентами. На шее Эммы сияло жемчужное ожерелье матери. Разглядывая свое отражение, она вынуждена была признать, что выглядит гораздо лучше, чем со своей обычной косой и в стареньком муслиновом платьице.

Местные молодые мужчины, кажется, тоже так считали. Эмма заметила группу у окна: крепкие, здоровые, краснощекие деревенские парни, облаченные в свои лучшие сюртуки и галстуки, глазели на нее и перешептывались. Вот уж этого ей хотелось меньше всего. Эмме вполне хватило мистера Милна, любвеобильного учителя музыки из школы. Она отвернулась и притворилась, что внимательно наблюдает за танцующими.

Неподалеку, у столика с прохладительными напитками, она заметила Джейн. Рядом с сестрой, спиной к Эмме, стоял высокий джентльмен в строгом темно-синем сюртуке. И пусть этот вечер не был лучшим в жизни Эммы, она обрадовалась, увидев улыбку на лице сестры.

Джейн редко упоминала своего отсутствующего супруга и почти не говорила о своей лондонской жизни, но благодаря газетам, которые Эмма читала в школе, она всегда была в курсе того, как жила сестра. Она вела блестящую светскую жизнь. В Бартон-Парке не было ничего блестящего, и, хотя Джейн уверяла, что совершенно довольна нынешним образом жизни, Эмма не переставала задавать себе вопросы и беспокоиться.

Сегодня вечером Джейн улыбалась, даже смеялась, ее темные волосы блестели в свете свечей, а воздушное лиловое платье из муслина и кружев было прелестно. Высокий джентльмен что-то сказал, Джейн покачала головой и, улыбнувшись, показала на Эмму. Мужчина обернулся, и Эмма невольно выпрямилась.

– Пропади все пропадом, – прошептала она и поспешно улыбнулась пожилой леди, наградившей ее неодобрительным взглядом.

Эмма с трудом сдерживала эмоции. Рядом с сестрой стоял сэр Дэвид Мартон.

В последнее время сэр Дэвид посещал Бартон-Парк куда чаще, чем того хотелось бы Эмме. Он всегда приезжал со своей сестрой, мисс Луизой Мартон. Визиты эти были вполне оправданны – Роуз-Хилл, поместье сэра Дэвида, находилось недалеко от Бартон-Парка. И все же… Джейн была замужем, пусть даже лорд Рэмси и не бывал в Бартоне. А сэр Дэвид – весьма привлекательный мужчина. Привлекательный и чересчур серьезный. Эмма даже сомневалась, умеет ли он смеяться.

Она наблюдала за ним, стараясь не хмуриться. Сэр Дэвид кивал в ответ на слова Джейн и мрачно смотрел на Эмму, а она радовалась, что он стоит достаточно далеко. Пронзительный взгляд его светло-серых глаз всякий раз вызывал у нее неприятное ощущение, что он видит ее насквозь.

Эмма бессознательно разгладила юбку, чувствуя себя совсем юной и глупой. Совсем не такой она хотела бы быть в присутствии сэра Дэвида.

Он снова кивнул Джейн и одарил ее мягкой улыбкой. Он всегда говорил с Джейн очень мягко и уважительно, при этом в его необыкновенных глазах мелькали веселые искорки. Совсем иначе он смотрел на Эмму – мрачно и настороженно.

Эмма никогда раньше не испытывала ревности, тем более по отношению к Джейн. Да и как она могла бы ревновать лучшую из сестер? Но когда сэр Дэвид Мартон был рядом, Эмма почти… почти испытывала ревность.

И она не могла понять почему. Сэр Дэвид вовсе не принадлежал к тому типу мужчин, которые должны были бы нравиться Эмме. Он был слишком тихим, слишком серьезным. Слишком… консервативным. Эмма никак не могла понять, что у него на уме.

И вот… ох, пропади все пропадом! И вот они направляются к ней.

Эмма горько пожалела, что не свела знакомство с одним из молодых помещиков. Сейчас она могла бы вести с ним светскую беседу, а не подпирать стену. Она никогда не знала, о чем говорить с сэром Дэвидом. В его присутствии она чувствовала себя дурочкой. Должно быть, в глубине души он смеется над ней.

– Эмма, дорогая, я как раз говорила сэру Дэвиду о твоем новом увлечении ботаникой, – сказала Джейн, подойдя к сестре.

Эмма взглянула на сэра Дэвида и содрогнулась – он устремил на нее свой непостижимый мрачный взгляд. От улыбки, которую он подарил Джейн, не осталось и следа. Эмма словно лишилась дара речи. Она не чувствовала себя такой неуверенной и не нервничала так с тех пор, как покинула школу. Эти ощущения ей совсем не нравились.

– Неужели? – пробормотала Эмма, отводя взгляд.

– Моя сестра рассказывала, что несколько дней назад видела вас на лужайке, – спокойно и серьезно сказал сэр Дэвид. – Она сказала, что предложила подвезти вас домой, но вы отказались, сославшись на то, что должны закончить работу. Поскольку день был довольно сырой, Луизе это показалось несколько… необычным.

Против своей воли Эмма почувствовала себя задетой. Вообще-то ее никогда не интересовало, что о ней говорят. Мисс Луиза Мартон была глупой сплетницей, и еще неизвестно, что она наговорила своему брату и что он теперь думает об Эмме. Может быть, он считает ее увлечение ботаникой смехотворным? Ведь юной леди не пристало копаться в грязи.

– Я начинающий ботаник, – сказала Эмма. – Очень важно – найти подходящие образцы растений для изучения. Лучше всего собирать их, когда земля влажная. Со стороны вашей сестры было очень мило предложить подвезти меня.

– Боюсь, с тех пор, как Эмма покинула школу и поселилась в Бартон-Парке, ее интересы не находят применения, – заметила Джейн. – Я не могу заменить ей учителей.

– О нет, Джейн! – воскликнула Эмма. Ее застенчивость как рукой сняло, стоило ей услышать печаль в голосе сестры. – Мне нравится жить в Бартоне. У мистера Лорна в книжном

магазине, тут, в деревне, всегда можно купить интересные книги. Здесь я узнала больше, чем в той дурацкой школе. Но, возможно, сэру Дэвиду все это кажется скучным?

– Вовсе нет, мисс Банкрофт, – возразил сэр Дэвид, и, к своему изумлению, Эмма услышала в его голосе теплую нотку.

Подняв глаза, она увидела на его губах едва заметную улыбку, а на щеках – привлекательные ямочки.

Эмма тут же пожалела, что решилась взглянуть ему в лицо. Вблизи он казался еще более красивым. Черты лица были тонкими и четкими, как у античной статуи. Блестящие каштановые волосы, которые он обычно зачесывал назад, от влажного воздуха стали волнистыми, и Эмме вдруг захотелось дотронуться до них.

– Значит, вы не считаете мое занятие скучным, сэр Дэвид? – спросила Эмма, не в силах придумать что-нибудь более умное.

– Ничуть. Каждому, будь то мужчина или женщина, нужно чем-то увлекаться в жизни, чтобы развивать и стимулировать ум. Мне повезло – мое детство и юность прошли рядом с дядюшкой, в библиотеке которого было более пяти тысяч книг. Возможно, вы слышали о нем? Мистер Чарльз Сэнсом из Сэнсом-Хауса.

– Пять тысяч книг! – воскликнула Эмма громче, чем хотелось. – Зрелище, должно быть, совершенно невероятное. Ваш дядюшка увлекался чем-то конкретным?

– Главным образом древнегреческой и древнеримской культурой, памятниками Античности, но у него были книги практически по любой теме. Включая, я полагаю, ботанику, – сказал сэр Дэвид, и его улыбка стала шире. Эмма никогда еще не видела, чтобы он выглядел таким молодым и открытым. Она бессознательно придвинулась ближе к нему. – Он всегда разрешал нам брать любые книги, когда мы навещали его. Впрочем, моя сестра редко пользовалась этой возможностью.

Эмма бросила взгляд в другой конец зала, где стояла мисс Луиза Мартон. Ее легко было заметить – она выделялась в толпе своим тюрбаном, причудливо украшенным яркими птичьими перьями. Луиза беседовала со своей близкой подругой, мисс Мод Коул, красавицей с рыжевато-золотистыми кудрями, небесно-голубыми глазами и в роскошном платье. Поглядывая на Эмму, они о чем-то шептались, прикрываясь веерами. Прямо как те глупые девицы в школе.

– Понимаю, – прошептала Эмма. Она никогда не слышала, чтобы мисс Мартон или мисс Коул говорили о чем-либо, кроме шляпок или погоды. – Ваш дядя все еще живет поблизости, сэр Дэвид? Я бы очень хотела с ним познакомиться.

– Да, мисс Банкрофт, хотя сейчас он ведет довольно уединенный образ жизни. Преклонный возраст, знаете ли. Впрочем, время от времени он заходит в магазин мистера Лорна, чтобы приобрести книги, так что вы вполне можете встретить его там. Не сомневаюсь, он бы с удовольствием познакомился с вами.

Не успела Эмма ответить, как оркестр – группа местных музыкантов, известных более своим энтузиазмом, чем талантом, – заиграл мазурку.

– О, мне так нравится этот живой и веселый танец, – сказала Джейн. Эмма поймала взгляд сестры, устремленный на пары в центре зала. Лицо Джейн омрачила печаль. – Мазурка была первым танцем, который я…

Вздохнув, Джейн умолкла. Интересно, подумала Эмма, часто ли она танцевала мазурку со своим мужем в Лондоне. Несмотря на то что сестра никогда не говорила о муже, она, по всей видимости, часто думала о нем.

– Джейн… – начала Эмма.

Сэр Дэвид повернулся к Джейн, и его лицо осветила улыбка.

– Вы позволите пригласить вас на танец, леди Рэмси? Я давно не танцевал мазурку, но сочту за честь, если вы согласитесь стать моей партнершей.

Несколько секунд Джейн колебалась, в ее глазах вспыхнул огонь, и Эмма ощутила невольный укол ревности. Ревности к Джейн! Упрекая себя за это, она натянуто улыбнулась.

– О нет, боюсь, мои танцы остались в прошлом, – ответила наконец Джейн. – Но Эмма изучала в школе не только науки. У них был прекрасный учитель танцев.

Ужасный учитель танцев. Эмме совсем не нравилось, что он то и дело бесцеремонно вторгается в ее жизнь. Забудет ли она когда-нибудь о нем?

– Тогда, может быть, мисс Банкрофт окажет мне честь, – вежливо произнес сэр Дэвид.

Он повернулся к Эмме и протянул руку.

Ей вдруг захотелось прикоснуться к его руке, очутиться в его объятиях, бесконечно долго кружиться с ним в танце. Он такой сильный и надежный, не позволит ей оступиться. Может быть, он даже улыбнется ей, и его красивые серые глаза будут смотреть на нее с восхищением. Эмме так хотелось этого.

Такого страстного желания она не испытывала… пожалуй, с тех пор, как мистер Милн впервые переступил порог школы. И подумать только, какой катастрофой обернулись ее романтические чувства. Нет, она никогда больше не доверится им, не поддастся эмоциям.

Эмма отступила на шаг и покачала головой. Сэр Дэвид опустил руку. Его улыбка угасла, и лицо снова стало прежним – серьезным и непроницаемым.

– Я… я не собиралась танцевать сегодня, – запинаясь, пробормотала Эмма, смущенная нахлынувшими воспоминаниями и новым, непонятным ей пока чувством.

Она сделала ошибку, доверившись мистеру Милну и своим эмоциям. Теперь ей нужно научиться осторожности и хладнокровию, стать такой, как Джейн. Как сэр Дэвид.

– Разумеется, мисс Банкрофт, – тихо сказал сэр Дэвид. – Я понимаю.

– Дэвид, дорогой, – окликнула его мисс Луиза Мартон.

Обернувшись, Эмма увидела мисс Мартон и мисс Коул. Она пребывала в таком смятении, что даже не заметила, как они оказались рядом. Мисс Коул смотрела на Эмму с ледяным спокойствием и немного удивленной улыбкой на красивом лице, отчего Эмма смутилась еще больше.

– Дэвид, дорогой, – снова сказала Луиза, – разве ты не помнишь, что мисс Коул обещала тебе мазурку? Ты так настойчиво просил ее оставить за тобой этот танец. Я уверена, вы оба получите удовольствие.

Сэр Дэвид бросил на Эмму загадочный взгляд, повернулся и предложил руку мисс Коул:

– Конечно. Весьма признателен, мисс Коул.

Эмма смотрела им вслед. Мисс Коул обворожительно смеялась и бросала на своего спутника такие игривые взгляды, на которые Эмма ни за что бы не решилась. Ей вдруг стало холодно в этом многолюдном душном зале. Она потерла обнаженные руки.

– Я знаю, Эмма, ты считаешь сэра Дэвида скучным, – тихо заметила Джейн, – но в действительности он очень мил. Тебе следовало потанцевать с ним.

– Я ужасно танцую, – сказала Эмма, стараясь говорить легко и непринужденно. – Я, без сомнения, отдавила бы ему ноги, а он не преминул бы прочесть мне лекцию по этикету.

Джейн укоризненно покачала головой, но Эмма знала, что не может облечь в слова свои истинные чувства, свой страх перед тем, что может случиться, если она позволит себе сблизиться с привлекательным и загадочным сэром Дэвидом Мартоном. Она даже не в состоянии была понять, каковы же ее истинные чувства к нему. Эмма знала только, что Дэвид Мартон – мужчина не для нее.

Эмма Банкрофт была весьма необычной юной леди.

Кружась в танце с мисс Коул, Дэвид пытался разглядеть Эмму в толпе, но ее золотистой головки нигде не было видно. Он чуть было не расхохотался над собой – таким болезненным было разочарование от ее исчезновения. Он слишком взрослый, слишком благоразумный,

чтобы вздыхать по этой милой, но взбалмошной мисс Банкрофт. Кроме того, совершенно очевидно, что он ей не очень-то нравится.

Да, Дэвид определенно испытал разочарование. Эмма всегда интересовала его. О чем она думает, познавая окружающий мир? Ее сестра сказала, что Эмма, помимо прочего, изучала ботанику, и Дэвид поймал себя на мысли, что хотел бы знать и о прочем, и о том, чем живет эта девушка. Он хотел знать о ней все, но какой в этом прок?

В его жизни не было места такой девушке, как Эмма, а в ее жизни не было места для него. Ей нужно было нечто большее, чем он мог ей дать. В детстве он не раз становился свидетелем гневных вспышек отца, обычно такого спокойного, и с тех пор поклялся сохранять хладнокровие в любых ситуациях. Однажды на краткое время он утратил контроль над собой, и это чуть не стало катастрофой для него самого и его семьи. Тогда в Лондоне он поддался искушению, вел разгульную жизнь – связался с дурными людьми, играл, пил, вступал в беспорядочные связи с женщинами, стараясь забыться. Но потом он вдруг прозрел, увидел, что его поведение причиняет боль близким, и понял, что должен измениться.

Прислушиваясь к музыкальным аккордам и ожидая, когда наступит его очередь вести партнершу в круг танцующих, Дэвид поймал на себе взгляд сестры. Ее глаза жадно сверкали. С тех самых пор, как родители умерли и на плечи Дэвида легла ответственность за семейное поместье в Роуз-Хилл и за Луизу, она стремилась найти ему жену. «Подходящую жену», – часто говорила она, имея в виду одну из своих подруг. Юная красивая девушка из знатной, хорошо известной им семьи, та, с которой Луизе приятно было бы проводить время и которая внесла бы некоторые перемены в их жизнь.

В этой роли Луиза определенно не видела мисс Банкрофт и неоднократно высказывала свое неодобрительное мнение о ней.

– Никак не могу ее понять, – задумчиво сказала Луиза, встретив однажды мисс Банкрофт на дороге. – Она вечно бегает по полям в грязном платье, да еще эта ужасная собака… Разве это прилично? А ее сестра! Где же супруг леди Рэмси, хотелось бы знать? Как граф позволяет двум женщинам жить в совершенном одиночестве в Бартон-Парке? Этот дом вообще мало пригоден для жилья. Впрочем, полагаю, мы должны быть милы с ними. Это же наши соседи.

Дэвид вдруг заметил леди Рэмси. Она пробиралась через толпу, явно в поисках кого-то. Может быть, она искала свою сестру? Мисс Банкрофт нигде не было видно. Дэвид вынужден был согласиться, что ситуация с сестрами Банкрофт в самом деле странная, его собственные, в высшей степени респектабельные родители такого явно бы не поняли. Две женщины живут одни, в изрядно обветшалом доме, почти не общаются с соседями, а лорда Рэмси вообще никто никогда не видел. Леди Рэмси часто печальна, а мисс Банкрофт трогательно заботится о сестре, что, конечно, достойно восхищения.

Дэвид подумал, что сестры, должно быть, очень преданы друг другу. Вот еще одна необычная и загадочная черта мисс Банкрофт.

Мисс Коул нетерпеливо стиснула его руку. С удивлением взглянув на нее, Дэвид вдруг понял, что стоит в центре зала и остальные танцующие ждут, когда же он начнет движение. Мисс Коул улыбнулась ему, бросив ободряющий взгляд, и Дэвид повел ее вдоль линии танцующих. Мисс Коул двигалась легко и изящно, в ее золотисто-рыжих волосах сверкали драгоценные украшения.

– Вы прекрасно танцуете, сэр Дэвид, – прошептала она.

Мисс Коул в точности соответствовала представлениям Луизы о том, какой должна быть жена брата. Чего не скажешь о мисс Банкрофт. Мисс Коул была дочерью очень уважаемого местного землевладельца и давней подругой Луизы: мила, образованна, блистает в местном светском обществе, да и о хорошем приданом не стоит забывать. Вот женщина, которая будет разумно вести хозяйство и безупречно впишется в его жизнь. Кроме того, он ей, кажется, нравится.

С мисс Банкрофт у него не может быть будущего. Она слишком молода, эксцентрична. Вся жизнь Дэвида была тщательно распланирована его семьей и им самим. И он едва все не погубил. Больше такого не случится. Он не принесет свою жизнь в жертву необъяснимому влечению.

Мисс Коул, или похожая на нее девушка, станет для него прекрасной женой. Но отчего же его взгляд мечется по залу в поисках Эммы Банкрофт?

Из дневника Арабеллы Банкрофт, 1663 год

Наконец я приехала в Бартон-Парк. Путешествие было недолгим, но я словно попала в совершенно иной мир. Дом тети Мэри в Лондоне, бесконечное вышивание под ее стенания об утратах, понесенных ею в войнах между королем и парламентом, грязные улицы… а здесь все зеленое, свежее, новое.

Я должна быть благодарна, что мне позволили приехать сюда – в прекрасное поместье моего кузена, подаренное ему новым королем. Я всего лишь бедная сирота семнадцати лет и должна жить так, как приходится. И все же я не понимаю, почему я здесь. У жены кузена достаточно служанок. Мне нечего делать, кроме как обживать свою новую комнату – мою собственную комнату, боже! – и исследовать премилый сад.

Моя горничная рассказала захватывающую историю… будто бы во время войны один из людей короля Карла спрятал тут несметные сокровища. И их пока не нашли.

Обожаю загадки.

Глава 1

Шесть лет спустя

Бартон-Парк. Эмме не верилось, что она снова здесь, спустя столько лет. Ей казалось, будто ураган подхватил ее и перенес из одного мира в другой, до того все это было странно.

Она стояла у подножия холма, глядя на серую ленту дороги, упирающуюся в ворота Бартона. Ворота были чуть приоткрыты, словно приглашая ее домой, вот только Бартон уже не был ее домом. В целом мире не было места, где бы Эмма чувствовала себя как дома. Она была невесомой паутинкой, которую ветер принес к этим воротам.

Одной рукой Эмма подобрала свои черные юбки, чтобы они не развевались на ветру. Экипаж терпеливо ожидал ее на дороге. Эмма решила сделать здесь остановку на своем пути из Лондона и осмотреться. Кучер и лакей ее зятя отнеслись к просьбе Эммы спокойно. Вне всякого сомнения, их ушей уже достигли слухи о непредсказуемом поведении блудной сестры леди Рэмси.

Эмма знала, что должна как можно скорее укрыться в доме. Дул пронизывающий ветер, а свинцово-серые тучи над ее головой грозили пролиться дождем. Мюррей, старый пес Эммы, поскуливая, ткнулся холодным носом в ее затянутую в перчатку руку, но не оставил свою хозяйку. Что ж, по крайней мере, Мюррей не изменился.

Эмма не могла заставить себя переступить порог этого дома.

Она покинула Бартон шесть лет назад, будучи мисс Эммой Банкрофт, юной девушкой, полной надежд и страхов в ожидании своего первого выезда в свет в Лондоне. Теперь она вернулась сюда как миссис Каррингтон, молодая вдова без средств к существованию, чья жизнь была омрачена слухами и скандалами. Страхи по-прежнему жили в ней, а надежда, увы, давно покинула Эмму.

Прикрыв глаза от света рукой, она изучала краснокирпичные трубы Бартона, поднимавшиеся над раскачивавшимися на ветру деревьями. Весна была уже на подходе. Эмма видела свежие бледно-зеленые почки на ветвях деревьев, вдыхала влажный весенний воздух. Когда-то она любила весну в Бартоне. Время новых начинаний, новых мечтаний.

Ей отчаянно захотелось вернуть прежние чувства, ту жизнь, в которой она так страстно познавала мир. Но к чему это привело? Только к катастрофе. Все закончилось жизнью с Генри Каррингтоном.

Эмма вдруг ощутила мучительную боль. Генри. Такой красивый, такой милый и такой внимательный. Словно ураган, он подхватил ее, поднял в воздух и унес с собой, а она не сопротивлялась, охваченная романтической радостью.

А потом эта радость сменилась безумием, которое ураганом пронесло их по европейским курортам с процветающими игорными домами. Генри всегда был уверен, что их удача где-то совсем рядом, в следующей карте, на дне очередной бутылки. Каждый раз им приходилось останавливаться на ночлег во все более дешевых заведениях, ютившихся в полутемных переулках и кишевших сомнительными личностями.

Закончилось все трагедией: Генри погиб от руки мужа женщины, к которой воспылал страстью в Виши. Вернувшись домой, Эмма обнаружила, что скандальные слухи о ее жизни закрыли перед ней двери приличных домов. Так она очутилась в Бартоне.

– Позволь мне помочь тебе, – сказал Филип, кузен Генри, крепко сжав руку Эммы. Именно он принес ей известие о трагической дуэли. – Генри хотел бы этого. И ты знаешь, как я всегда восхищался тобой, дорогая Эмма.

Филип был лучшим другом Генри. Он предавался разгулу вместе с Генри, но при необходимости ссужал ему деньги, доставлял домой, навещал Эмму, когда она, охваченная стра-

хом, одиноко бродила по комнатам, не зная, где сейчас Генри и когда он вернется. Эмма была признательна Филипу за его доброту даже тогда, когда ей казалось, что его внимание выходит за рамки приличий.

В тот момент, после смерти Генри, когда Эммой овладела растерянность, она едва не поддалась искушению и не позволила Филипу «позаботиться о ней», ведь впереди ее ждали одиночество и страх. Но, взглянув Филипу в глаза, Эмма увидела там нечто, что испугало ее гораздо больше, – искру ревнивой страсти. Ей уже приходилось видеть ее в глазах мистера Милна, учителя танцев, и в глазах того негодяя, что однажды в дождливую ветреную ночь увез ее из Бартона.

Эмма распрощалась с Филипом, проглотила гордость и написала сестре. Когда Эмма захотела выйти замуж за Генри, Джейн предупреждала ее, заклинала не принимать поспешных решений и, в конце концов, пригрозила, что не даст своего согласия даже на помолвку. Поэтому Эмма сбежала из Бартона, положив начало череде скандалов, которые с тех пор окружали ее имя. А потом Генри обнаружил, что Джейн и ее муж позаботились оградить от его посягательств приданое Эммы и небольшое наследство, доставшееся ей от матери, и его страсть изрядно поугасла.

Когда Эмма скиталась по Европе вместе с Генри, Джейн изредка писала сестре, а однажды они даже увиделись, когда супруги Рэмси путешествовали по Италии. Сестры не стали чужими друг другу, но когда речь заходила о деньгах Джейн держалась твердо.

– Деньги принадлежат тебе, Эмма, ты можешь ими воспользоваться, когда понадобится.

И Генри прервал всяческие отношения жены с супругами Рэмси.

Однако после смерти Генри, когда Эмма написала сестре, Джейн немедленно выслала ей деньги и слуг, чтобы помочь добраться домой. Сама она находилась на последних месяцах беременности и не выезжала из дому. Эмма знала, что Джейн никогда не бросит ее. До сих пор только чувство стыда и смущение удерживали ее вдали от Бартона, от того, чтобы бросить Генри и искать прибежища в доме своего детства. Интересно, подумала Эмма, что она найдет там, за воротами.

Мюррей заскулил громче и прижался к ней. Рассмеявшись, Эмма потрепала его по голове рукой в черной перчатке.

– Прости, дружище, – сказала она, – я знаю, здесь холодно. Пойдем в дом.

Пес трусцой спустился вслед за ней по холму и запрыгнул в экипаж. Эмма замечала, что Мюррей стареет – его шерсть поседела, а по ночам донимал ревматизм, – но сегодня он словно помолодел. Когда экипаж въезжал в ворота, пес бодро махал хвостом. Он словно чувствовал, что они наконец-то возвращаются домой.

К Бартону вела живописная дорога, причудливо извивающаяся между куртинами деревьев и старыми статуями. В просветах между деревьями мелькали стены и дымовые трубы. На некотором отдалении Эмма увидела белую остроконечную крышу перестроенного летнего домика. По другую сторону раскинулись поля и луга Роуз-Хилл, поместья Мартонов, и живописные руины старого средневекового замка, который Эмма давно мечтала исследовать.

Экипаж подкатил к развилке. Одна дорога вела к группке старых коттеджей, в которых когда-то жили ушедшие на покой слуги, и к старым фруктовым садам, другая – прямиком к дому.

Впереди показался Бартон. Эмма выглянула в окно экипажа. Дом был построен вскоре после возвращения Карла Второго для одного из его сторонников, предка Эммы. Его увитые плющом краснокирпичные стены казались Эмме уютными и родными.

Когда они с Джейн жили здесь – еще до того, как сестра примирилась с Хейденом, – стены дома медленно разрушались, а сад совсем зарос. Теперь поместье выглядело совсем по-другому, все было свежим и радовало глаз: клумбы пестрели цветами, живая изгородь была

аккуратно подстрижена, новые статуи, привезенные из Италии, сияли белым мрамором. Эмма заметила садовников, копошащихся у дома с лопатами и ножницами.

Здесь многое изменилось. И в то же время осталось прежним.

Когда экипаж подкатил к дому, дверь распахнулась, и лакей поспешил к Эмме, чтобы помочь ей выйти. За ним, с трудом передвигаясь и придерживая большой живот, шла утратившая былое изящество Джейн. При виде сестры она всплеснула руками и радостно рассмеялась, ее глаза сияли.

– Эмма, дорогая! Наконец-то ты приехала! – воскликнула Джейн.

Едва Эмма вышла из экипажа, Джейн заключила ее в объятия и поцеловала в щеку.

– Добро пожаловать домой!

Домой. Прижавшись к сестре, Эмма ощутила исходящее от нее тепло, вдохнула легкий аромат духов с запахом сирени и подумала, что действительно вернулась домой. Здесь, под этим кровом, она в безопасности.

Однако долгие скитания по Европе не прошли даром. За время своих странствий Эмма многое пережила, не раз сталкивалась с людьми самого разного сорта, и теперь опыт подсказывал ей, что безопасного места попросту не существует. Она радовалась встрече с сестрой, но в глубине души чувствовала себя виноватой в том, что обидела и разочаровала Джейн, сбежав из дома.

Эмма отступила на шаг назад и ослепительно улыбнулась, ощущая на себе внимательный взгляд Джейн. Живя с Генри, Эмма научилась скрывать свои истинные чувства, но это давалось ей нелегко.

– Бартон выглядит великолепно. Как и ты, Джейн. Ты просто цветешь.

Джейн грустно улыбнулась, положив руку на свой живот.

– Я сейчас толстая, как бочка. Впрочем, теперь я чувствую себя гораздо лучше, чем раньше, когда носила близнецов. По утрам почти не тошнит. А сейчас, когда и ты здесь, Эмма, мне совсем хорошо. Мне так не хватало тебя.

– И я очень скучала по тебе. – Эмма вдруг с особой остротой ощутила одиночество минувших месяцев. – И по Бартону.

Взяв сестру под руку, Джейн повела ее в дом, и Эмма увидела, что дом претерпел изменения не только снаружи. Старый, рассохшийся паркет заменили на черно-белые мраморные плитки. Балюстрада лестницы сияла обновленной позолотой, а ступени укрывал роскошный сине-золотой ковер. На столике с мраморной столешницей красовался огромный букет оранжерейных роз, а вдоль обитых шелком стен стояли кресла, обтянутые синим атласом.

Но у Эммы не было времени как следует рассмотреть обстановку.

– Это наша тетя Эмма? – послышался тоненький звонкий голосок, эхом отразившийся от стен холла.

Эмма подняла глаза и увидела два личика, украшенные двумя парами блестящих карих глаз и обрамленные светлыми кудряшками. Дети смотрели на нее с лестничной площадки.

– Да, я ваша тетя Эмма, – ответила она и почувствовала, как часто забилось ее сердце – она так давно не видела близнецов. – А вы, должно быть, Уильям и Элеанор. Вы так выросли с тех пор, как я видела вас в последний раз. Тогда вы были размером с ломоть хлеба.

Близнецы захихикали и, спотыкаясь, спустились по лестнице. Очутившись рядом с Эммой, они принялись осматривать ее, их карие глазенки, так похожие на глаза их матери, сияли любопытством.

– А ты не такая старая, как мы думали, – сказал Уильям.

– И совсем не толстая, – добавила Элеанор. – Тебе нужно есть больше пирожных с кремом.

– Дети! – Джейн с укором посмотрела на них. – Ведите себя прилично, пожалуйста.

Элеанор сделала реверанс, Уильям поклонился.

– Здравствуйте, – вежливо прошептали они.

Джейн отправила их в гостиную пить чай.

– Прости, Эмма, – сказала она, следуя с сестрой за детьми. – И мы с Хейденом, и их няни потратили столько сил, чтобы научить их вести себя как приличествует детям из благородной семьи, но они в таком возрасте, когда говорят все, что думают.

Эмма рассмеялась:

– Совсем как мы с тобой, помнишь? Боюсь, я так и не научилась вести себя прилично, а вот из тебя вышла великолепная графиня. – Взгляд Эммы упал на груду чемоданов у дверей гостиной. – Вы куда-то уезжаете?

– Мы собирались в Лондон на время родов, – ответила Джейн. – Хейден считает, что мне лучше быть поближе к врачам, на всякий случай. Но теперь, когда ты здесь…

– Вы должны ехать, – твердо сказала Эмма. Ей хотелось побыть некоторое время в одиночестве, вновь обрести уверенность в себе. К тому же Джейн и без нее хватает забот, она должна думать о своем ребенке, который вот-вот появится на свет. – Твое здоровье важнее всего. Теперь ты можешь обо мне не беспокоиться.

– Но ты же не можешь остаться в Бартоне совсем одна! Ты должна поехать с нами в Лондон.

Как раз в Лондон Эмма совсем не стремилась, она знала, что ждет ее там. Любопытные взгляды, слухи, сплетни. Начнут судачить о ее скандальном побеге и неудачном браке.

– Знаешь, я подумала, что могла бы поселиться в одном из старых коттеджей. Они такие маленькие и уютные, подходящее место, где я смогу отдохнуть и решить, что делать дальше.

– Поселиться в старом коттедже? – удивленно воскликнула Джейн. – О нет, Эмма, дорогая, что ты! Вот твой дом.

– Но ты сама сказала, что он слишком велик для одного человека. К тому же я не могу ехать в Лондон. Не сейчас. Ты писала, что Хейден занимается маминым наследством и я скоро получу свою долю. Этого мне вполне хватит на жизнь в коттедже.

– Но… – Джейн задумалась, пытаясь отыскать какой-нибудь аргумент в пользу своего предложения, но, к счастью, ее отвлекли близнецы. – Мы поговорим об этом позже, Эмма, – сказала она и устремилась в гостиную.

Эмма не сомневалась, что позже ее ждет долгий разговор, но она была уверена в том, чего хочет. Небольшой домик, где она может побыть одна и подумать, – это как раз то, что ей сейчас необходимо. Живя отдельно, она не доставит хлопот Джейн и сможет решить, как вести себя в дальнейшем, чтобы не повторить совершенных ошибок.

Близнецы уже устроились за красиво накрытым к чаю столом, стоявшим у выходящего в сад окна. Солнечные лучи играли на серебряном чайном сервизе, принадлежавшем еще прабабушке Эммы и Джейн. На тарелках художественно выложенными пирамидами громоздились сэндвичи и пирожные.

Дети пожирали глазами эти аппетитные яства, но сидели тихо, сложив руки на коленях.

– Это все для меня? – смеясь, поинтересовалась Эмма.

– Ханна тоже скучала по тебе, – ответила Джейн.

Ханна жила в их семье в течение многих лет. В период бедности она была единственной служанкой в доме, а теперь стала в Бартоне домоправительницей.

– Тетя Эмма, ты должна съесть это, – сказала Элеанор, протягивая Эмме пирожное, украшенное розовой глазурью.

– Спасибо, дорогая Элеанор, – ответила Эмма, глядя на племянницу. Похоже, та была всерьез уверена, что тете не мешает немного поправиться.

Прихлебывая ароматный чай, Эмма смотрела на сад за окном. Целые террасы клумб сбегали по пологому холму к лабиринту. Когда придет лето, подумала Эмма, лужайка у дома запестреет цветами.

– А как жизнь в деревне? Есть какие-нибудь новости?

– О да, и немало, – с энтузиазмом сказала Джейн. – У нас новый викарий, мистер Кроуфорд. Весьма достойный джентльмен, сын леди Уилингтон от первого брака. Ты, наверное, помнишь мою знакомую, леди Уилингтон? Она недавно вернулась из-за границы. Мистер Кроуфорд, к сожалению, не женат, но я уверена, что ситуация скоро изменится. Его мать намекала на какую-то юную леди из Брайтона. А старая леди Ферт в прошлом году наконец-то стала победительницей цветочной выставки! Давно она этого добивалась. А еще сэр Дэвид Мартон вернулся в Роуз-Хилл.

– Сэр Дэвид Мартон? – испуганно переспросила Эмма и смущенно опустила взгляд в тарелку. – Я не знала, что он уезжал. Мне казалось, он не любитель путешествий.

– Так ты помнишь сэра Дэвида? – спросила Джейн.

Разумеется, Эмма его помнила. Он был так красив. И восхищался манерами Джейн. А на Эмму смотрел так пристально, что ей начинало казаться, будто он знает все ее секреты.

Как он будет смотреть на нее теперь, после того, что случилось? Заговорит ли он с ней вообще?

Почему-то при мысли о том, что сэр Дэвид может осуждать ее, у Эммы заныло сердце.

– Конечно, я помню его, – помедлив, ответила она.

– Он был так добр к нам, когда дела у нас шли не слишком хорошо, не правда ли?

Сэр Дэвид всегда хорошо относился к Джейн.

– Так ты говоришь, он уезжал?

– Да. Он женился на мисс Мод Коул. Ты помнишь ее?

Мисс Коул, с которой сэр Дэвид танцевал на том балу давным-давно. Красивая, жизнерадостная мисс Коул. Вполне подходящая жена для такого мужчины.

– Конечно. Она была очень мила и дружила с его сестрой, насколько я помню, так что этот брак был вполне оправдан.

Джейн выгнула бровь.

– Так думали все.

– А что, партия оказалась неподходящей?

– Никто точно не знает. Леди Мартон предпочитала жить в городе, поэтому после свадьбы они уехали в Лондон и редко появлялись здесь. Мы с Хейденом жили то в Рэмси-Хаусе, то тут, в Бартоне, но слышали, что брак был не очень удачным.

– Был?

– К сожалению, в прошлом году леди Мартон скончалась, и сэр Дэвид вернулся в Роуз-Хилл со своей маленькой дочерью. Мы редко видимся с ними, но девочка всегда такая тихая.

– Наверное, тоскует по матери, – прошептала Эмма.

Сэру Дэвиду, разумеется, тоже не хватает его прелестной жены. Эмма была уверена, что в отличие от нее сэр Дэвид никогда не позволил бы превратить свою семейную жизнь в балаган. А его дочь… бедная девочка, должно быть, очень страдает.

– Мисс Луиза Мартон вышла замуж, теперь она миссис Смит. Говорят, направила все свои усилия на поиск новой невестки, – сообщила Джейн.

– Ей, наверное, приходится нелегко, тут не так много подходящих девиц на выданье, – заметила Эмма, стараясь говорить беспечно.

Она больше не хотела ни слышать, ни думать о сэре Дэвиде. Одно его имя напоминало Эмме о том, что с тех пор, как они виделись в последний раз, в ее жизни произошли драматические перемены. Она решила сменить тему.

– Уильям и Элеанор, а вы любите играть в жмурки? Когда мы с вашей мамой были детьми, мы очень любили эту игру, хотя сейчас в это трудно поверить. Может, мы могли бы поиграть после чая?

Из дневника Арабеллы Банкрофт

По-моему, мне стала известна по крайней мере одна из причин, по которой я удостоилась чести быть приглашенной в Бартон. Его величество король подарил моему кузену это поместье и взамен ждет, что тот будет устраивать для двора приемы. Супруга моего кузена слаба здоровьем и не в состоянии принимать такое количество гостей, поэтому-то я и очутилась здесь. Я мало знаю о том, как устраивать балы, но очень люблю новые наряды – шелк и кружева, шляпки с перьями и пелерины из меха!

Но самое интересное – это гости. Раньше мне редко выпадала возможность познакомиться с такими людьми. Пожалуй, мне стоит научиться лучше играть в карты, это поможет мне в общении с гостями.

Не устаю расспрашивать всех вокруг о спрятанных сокровищах, но мне рассказывают лишь какие-то невероятные сказки…

Глава 2

В экипаже царила оглушительная тишина.

Дэвид взглянул на свою дочь Беатрис, сидевшую рядом с ним. Лицо ее почти полностью было скрыто за капором из соломки, и он видел только кончик ее вздернутого носика и уголок неулыбчивого рта. Девочка молча смотрела на дорогу. Ее золотисто-рыжие локоны, туго стянутые на затылке розовым бантом, блестящей волной спускались на синий бархатный жакет.

Беа всегда выглядела как маленькая леди, прелестная фарфоровая куколка в роскошном наряде. Под мышкой у нее была зажата настоящая кукла – ее всегдашняя спутница. Все дамы при виде девочки не могли удержаться от восторженных возгласов.

– Она просто ангел, Дэвид! – восклицала его сестра. – Никогда не плачет и не шалит! И это после всего, что ей пришлось пережить…

Луиза была права. Беа – настоящий ангел. Она или тихо играет со своими куклами, или слушает няню, читающую ей книги. Но не слишком ли она спокойная? Не слишком ли замкнутая и необщительная для пятилетнего ребенка?

Даже сейчас, в чудесный теплый весенний день, когда все дети бегают по улице с обручами и скакалками, кричат и смеются, она лишь молча смотрит на них, без всякого выражения на маленьком личике.

– Когда я закончу со своими делами в деревне, может быть, сходим в магазин игрушек и купим тебе один из таких обручей? – спросил Дэвид, подстегивая лошадей. – Что скажешь, Беа?

Девочка повернулась и посмотрела на отца, в первый раз с той минуты, как они выехали за ворота Роуз-Хилл. Ее глаза были совершенно серьезны.

– Нет, спасибо, папа.

– Но тебе обязательно понравится. Я мог бы научить тебя играть с обручем.

Беа покачала головой:

– Тетя Луиза говорит, что у тебя много дел в Роуз-Хилл и я не должна тебе мешать.

Разумеется, Луиза могла сказать такое. Это его обычная отговорка в ответ на ее бесконечные приглашения. Она то и дело устраивала приемы, главной целью которых было представить его как можно большему количеству юных леди. От слов Беа сердце Дэвида болезненно сжалось. Она, видимо, думает, что у отца нет для нее времени. В действительности же Беа была смыслом его жизни с того самого дня, как появилась на свет, и все, что он делал, было ради нее.

– Не важно, сколько у меня дел, я всегда найду для тебя время, Беа. Надеюсь, ты понимаешь это.

– Мне не нужен обруч, папа.

Девочка отвернулась и снова уставилась на дорогу. Вдали показались деревенские дома, площадь и церковная колокольня.

Беа не всегда была такой, подумал Дэвид, и его охватило чувство, близкое к отчаянию. Когда-то она бегала по дому, радостно смеясь, и ничем не отличалась от деревенских детей. Она подбегала к отцу и заливалась смехом, когда он подкидывал ее в воздух. Она приглашала его в гости, разливала чай из крошечного чайничка в крошечные фарфоровые чашечки и щебетала, не умолкая.

Потом умерла ее мать. Нет… по крайней мере, сам с собой он может быть честен. Ее мать оставила их, сбежала с любовником и погибла, когда их коляска перевернулась на каменистой шотландской дороге. Беа ничего не знала об этом. Отец сказал ей лишь, что Мод заболела, отправилась лечиться на воды и там отошла в мир иной. С того дня Беа замкнулась в себе, стала тихой и молчаливой, как ее фарфоровые куклы.

Дэвид надеялся, что возвращение в Роуз-Хилл, поближе к его сестре и ее семье, сотворит чудо и к Беа вернется ее жизнерадостность. Детям ведь лучше расти на свежем воздухе? Но Беа, казалось, стала еще тише.

Дэвиду нравилось держать свою жизнь под контролем, ему необходимо было чувствовать, что все подвластно ему. Дела у него шли прекрасно. Он успешно управлял поместьем, заботился о своих арендаторах, семье, урожае. Когда его родители умерли, он заботился о своей сестре, пока она не вышла замуж. Дэвид был хорошим сыном, хорошим братом и гордился собой. Он даже был хорошим мужем и всецело посвятил себя жене. В молодости он пережил период увлечения азартными играми и женщинами, знал, к чему может привести такая жизнь, и не хотел ее для себя.

Почему же его семейная жизнь не сложилась и как вышло, что он стал плохим отцом?

Дэвид посмотрел на дочь. Она сидела очень прямо и глядела перед собой. У Дэвида заныло сердце. Его любовь к дочери была бесконечна. Как бы он хотел помочь ей, но не знал, как это сделать.

Гнев, который Дэвид долгое время испытывал всякий раз, вспоминая о Мод, и который старался подавить, разгорался с новой силой, стоило ему взглянуть на Беа. Мод… такая прелестная, такая очаровательная… и такая легкомысленная. Было время, когда Дэвид считал ее подходящей партией, но потом обнаружил, что за красивым фасадом скрывается эмоциональная натура, жаждущая романтики. Этот романтизм вскружил ей голову, заставил забыть о семье и своем долге. Когда-то и Дэвиду пришлось пережить нечто похожее.

– Ты должен жениться, – твердила ему сестра. – Если бы у Беатрис была новая мать, а у Роуз-Хилл достойная хозяйка, все было бы прекрасно. Как насчет леди Пенелопы Хейдер? Или мисс Кинг?

Однажды он уже послушал совета Луизы и женился на ее лучшей подруге мисс Коул. Больше он такую ошибку не совершит и советов сестры слушать не станет. Впрочем, в одном Луиза права – однажды ему придется снова вступить в брак. Остается надеяться, что к этому времени ему удастся найти женщину из благородной семьи, обладающую здравым смыслом и безупречной репутацией. Женщину, которая станет ему поддержкой и согласится вести тихую сельскую жизнь.

В этом Дэвид был совершенно уверен. Ему, и что еще более важно – Беатрис, больше не нужны романтически настроенные барышни.

В этот теплый весенний день жизнь в деревне била ключом. Узкие улочки были заполнены людьми, владельцы лавок распахнули окна и двери, чтобы впустить свежий воздух. Весна вступила в свои права и словно вдохнула жизнь в сонную деревушку.

Как бы хотелось Дэвиду самому ощутить эту бьющую через край энергию, обрести новую надежду, но душа его словно оледенела.

Он знал, что самое лучшее лекарство для него – работа, она поможет ему забыть о своих печалях. Оставив экипаж у извозчичьего двора, Дэвид взял Беа за руку в кружевной перчатке и повел ее по улице. Дочь молча последовала за ним, зажав под мышкой свою куклу.

– Мне нужно зайти к юристу, Беа, – сказал он, – это много времени не займет. Если ты не хочешь в магазин игрушек, может быть, потом пойдем за сладостями? Купим тебе лимонных леденцов, когда-то они тебе так нравились.

– Спасибо, папа, – прошептала Беатрис.

По улице они двигались медленно, Дэвида то и дело останавливали знакомые, чтобы поприветствовать его или поинтересоваться, надолго ли он приехал в Роуз-Хилл. Благодаря слухам и сплетням местные жители были прекрасно осведомлены о лондонском скандале, и в глазах почти каждого встречного Дэвид замечал искорки жадного любопытства. Люди, которых он знал с детства, говорили с ним осторожно, как с тяжелобольным.

Дэвид и Беа прошли мимо танцевального зала, в котором устраивались обыкновенно деревенские балы, и тут за своей спиной он услышал голос сестры.

– Дэвид, дорогой! Я не знала, что ты будешь сегодня в деревне. Тебе следовало бы предупредить меня, мы могли бы вместе пообедать до вашего возвращения в Роуз-Хилл! – воскликнула Луиза.

Обернувшись, Дэвид увидел сестру, спешащую к нему. Она двигалась неуклюже, поддерживая живот – Луиза была беременна. За ней, спотыкаясь, плелись двое ее маленьких сыновей. Мальчики на ходу тузили и щипали друг друга, это уже вошло у них в привычку. Дэвид почувствовал, как Беа замерла рядом с ним.

– Я не хотел доставлять тебе хлопот, Луиза, – ответил он, целуя сестру в подставленную щеку.

– Никаких хлопот! Мы так редко вас видим, – возразила сестра. Осторожно наклонившись, она обняла молчаливую Беатрис. – Какая ты красивая сегодня, Беа! Когда подрастешь немного, станешь еще очаровательнее. Мальчики, немедленно прекратите драться! Поклонитесь дяде.

Мальчики поспешно поклонились и снова принялись задирать друг друга.

– Беатрис сегодня очень бледна, – прошептала Луиза на ухо брату, – тебе так не кажется? Оставь ее со мной, пока занимаешься делами, она поиграет со своими кузенами. Я уверена, ей очень одиноко в Роуз-Хилл.

Словно услышав ее слова, Беа бросила на Дэвида встревоженный взгляд.

– Спасибо за предложение, Луиза, ты очень добра, но сегодня нам надо пораньше вернуться домой. Как-нибудь в другой раз, обещаю.

Луиза фыркнула:

– Как хочешь. Но ты и сам прекрасно понимаешь, что Беатрис нужна компания. Ей нужны братья и сестры. Вспомни, как нам было весело, когда мы были детьми! Кстати, ты еще не видел мисс Хардинг? Она приехала погостить к своему дяде, адмиралу Хардингу. Я знакома с ней совсем недавно, но уже восхищаюсь ею. Она так мила, так спокойна. Как раз то, что тебе нужно.

Беа не сказала ни слова и не шевельнулась, но Дэвид почувствовал, как ее ручка сжала его руку.

– Нет, я еще не имел чести познакомиться с мисс Хардинг.

– Тогда ты должен обязательно посетить бал на следующей неделе! Тебе снова нужно выходить в свет, Дэвид. Это было бы тебе полезно. Кроме того, как ты собираешься найти себе жену, если все время будешь сидеть в Роуз-Хилл? Не так ли, Беатрис, дорогая?

– Да, тетя Луиза, – вежливо ответила Беа.

– Разумеется. А теперь, Дэвид, позволь я расскажу тебе о мисс Хардинг…

Луиза продолжала говорить, но внимание Дэвида внезапно привлекла женщина на другой стороне улицы.

Она была невысокой, но стройной, в ее походке и манерах было что-то знакомое. И все же Дэвид был уверен, что не знает эту женщину. Она была одета в черное платье, пелерину и простой черный капор, а ведь в деревне не было вдов, носивших траур. Что-то в этой незнакомке притягивало внимание Дэвида словно магнит. Было в ней что-то загадочное и… живое.

Дэвид вдруг подумал, что уже давно не чувствовал себя живым. Давно ничто не привлекало его внимание как эта женщина в черном.

Прохожие тоже окидывали женщину взглядом, когда она проходила мимо, некоторые останавливались, глядя ей вслед, но редко кто здоровался с ней.

Незнакомка остановилась у витрины книжной лавки мистера Лорна, повернулась, разглядывая хаотически сваленные в груду тома за пыльным стеклом, и Дэвид увидел ее бледный профиль, четкий, как на греческой монете.

– Эмма Банкрофт… – изумленно прошептал он.

Сейчас, когда Дэвид снова увидел Эмму, его поразило, насколько свежи оказались его воспоминания об этой девушке. Они ничуть не потускнели за минувшие годы. Правда, сейчас он чувствовал себя лет на сто старше того молодого человека на балу, а вот Эмма Банкрофт ничуть не изменилась. Те же золотистые локоны, маленький прямой нос, усыпанный бледными веснушками, розовые губы, изогнувшиеся в улыбке. Она по-прежнему была молода и так же жадно, как раньше, стремилась познать жизнь.

И все же ей, как видно, пришлось многое пережить, раз она была облачена в черное. Эмма толкнула дверь лавки и исчезла внутри. Потеряв ее из виду, Дэвид словно очнулся. Увидел спешащих по своим делам людей. Ощутил руку Беа в своей руке. Услышал звонкий голос сестры.

– О да, – фыркнула Луиза, – это Эмма Банкрофт. Я слышала, она вернулась в Бартон-Парк, хотя я удивлена, что сестра согласилась ее принять после всего, что случилось. Поведение мисс Банкрофт оставляет желать лучшего, а ведь она невестка графа.

Дэвид с любопытством взглянул на сестру, и Луиза самодовольно улыбнулась. Она любила посплетничать, а с тех пор, как Дэвид вернулся в Роуз-Хилл, он почти не выходил из дому.

– Ты наверняка знаешь эту историю, Дэвид. Хотя, может быть, и нет, ты всегда так занят своими делами. Тебе известно, что она сбежала с мистером Генри Каррингтоном?

Дэвид припомнил все, что слышал об этом скандальном побеге. В свой первый сезон в свете Эмма Банкрофт сбежала с известным ловеласом, вопреки советам сестры. Слухи об этом моментально докатились от Лондона до Роуз-Хилл. Все сходились во мнении, что случившееся крайне прискорбно, но отнюдь не удивительно. В конце концов, мисс Банкрофт всегда была девицей со странностями. Впрочем, вскоре другие скандалы отодвинули побег мисс Банкрофт на второй план и к тому времени, когда Дэвид приехал в Лондон с Мод и их новорожденной дочерью, о блудной сестре леди Рэмси почти забыли. Дэвид предположил, что мисс Банкрофт ведет благопристойную семейную жизнь вдали от Англии.

А потом разразился уже их собственный скандал, связанный с побегом Мод. Временами Дэвид вспоминал мисс Банкрофт – ныне миссис Каррингтон – и чувствовал легкую грусть. Увидев Эмму на улице, он на мгновение ощутил беспричинную радость, которая вскоре сменилась настороженностью – теперь солнечная живость Эммы казалась ему опасно непредсказуемой, а в его жизни больше нет места скандалам.

– Говорят, мистер Каррингтон был убит на дуэли где-то во Франции, – сообщила Луиза. – Полагаю, у леди Рэмси не было другого выбора, кроме как приютить сестру.

А был ли выбор у самого Дэвида?

– Наверное, на твой взгляд, было бы лучше, если бы она оставила сестру в парижском работном доме? – слегка раздраженно сказал он.

– Дэвид! Ты сегодня просто невыносим! Разумеется, леди Рэмси поступила как истинная христианка, пригласив сестру к себе. Однако со стороны миссис Каррингтон было бы приличнее держаться подальше отсюда после того, что она учинила. Впрочем, семья есть семья. Остается надеяться, что она будет вести в Бартон-Парке спокойную размеренную жизнь и больше не собьется с пути истинного.

– Я должен вернуться к делам, Луиза, – сказал Дэвид, чувствуя желание защитить Эмму Банкрофт. – Юрист уже ждет меня, я хочу обсудить с ним покупку земель, примыкающих к Роуз-Хилл.

– Да, конечно. Я знаю, ты всегда так занят, дорогой Дэвид. Но не забудь, пожалуйста, о мисс Хардинг! Мы будем ждать тебя на балу через неделю.

Пробормотав что-то невразумительное, Дэвид повел Беа по улице. Она молча шла рядом, не мешая ему предаваться раздумьям и несбыточным мечтам об Эмме Банкрофт.

«Нет, папе не нужна новая жена. По крайней мере, та, которую выбрала для него тетя Луиза».

Беа сидела на высоком стуле, ожидая пока отец закончит свои дела. Он и седовласый, длиннолицый юрист мистер Уолл все говорили и говорили о каких-то непонятных вещах. В комнате было душно, пахло пылью и старыми сигарами, но Беа было все равно. Она тихо сидела в углу, и чем дольше на нее никто не обращал внимания, тем больше она могла увидеть и обдумать.

Это была стратегия, которой Беа успешно пользовалась с тех пор, как умерла ее мать. Сначала все как-то запуталось, двери их лондонского дома постоянно хлопали, люди постоянно входили и выходили. Дедушка Коул все время кричал, и лицо у него было красным. Папа, который любил играть и смеяться с ней, стал очень тихим и серьезным.

И каждый раз, глядя на Беа, он казался очень печальным. Он больше не играл с ней в чаепитие и не читал книжки, отсылал Беа в парк с няней, а сам запирался в библиотеке.

И никто ничего ей не рассказывал. Если она плакала и задавала вопросы, в ответ получала только жалостливые взгляды и новую куклу. Куклы были красивыми, но Беа хотела знать, куда ушла ее мама и когда ее настоящий папа вернется к ней.

Тогда-то она и научилась вести себя тихо и наблюдать. Она забивалась в угол, и люди забывали о ней, говорили о своем, по-взрослому, а не так, как с ней. Беа ненавидела, когда с ней говорили как с ребенком. Отец никогда не разговаривал с ней так, потом и другие взрослые научились говорить с ней на нормальном языке. А потом мама умерла, и к Беа опять стали относиться как к ребенку.

Особенно тетя Луиза. При мысли о тете Луизе Беа вздохнула и разгладила шелковую юбку куклы. Тетя Луиза была хорошей тетей, всегда добрая и не жалела лимонных леденцов, но у нее был один недостаток – она хотела, чтобы Беа играла с ее ужасными сыновьями. С этими мальчишками не о чем было поговорить, и они все время норовили стянуть ее кукол. Однажды они даже остригли одну из них. Беа потом долго плакала, а тетя Луиза громко кричала.

Беа не любила бывать у тети Луизы, ей было скучно. Даже сидеть здесь, в пыльной комнате, и то было интереснее.

Но хуже всего было то, что тетя Луиза постоянно твердила папе, что он должен жениться как можно скорее, потому что Беа нужна новая мама.

Беа не хотела новую маму. Она и родную-то нечасто видела. Разве только в окно, когда та садилась в экипаж и отбывала на очередной бал. Мама была красивая, как ангел, все время нарядно одета, часто смеялась, но пользы от нее было немного. Впрочем, от такой матери, как тетя Луиза, тоже. Она постоянно указывала всем, что делать, а в промежутках требовала свой флакон с нюхательной солью.

Не то чтобы Беа совсем не нравилась идея о новой маме. В книжках матери всегда были милыми, заплетали дочерям косы и читали им разные истории. Кроме того, папе не помешал бы кто-то, кто заставил бы его чаще улыбаться.

Мисс Хардинг, племянница адмирала Хардинга, о которой говорила тетя Луиза, не нравилась Беа. Они не были знакомы, но тетя Луиза почему-то всегда выбирала не тех. Беа понимала, что она всего лишь маленькая девочка, но она знала, чего хочет и что нужно папе.

Единственное, чего она не знала, – где это найти.

– …короче говоря, сэр Дэвид, вы сможете приобрести эти земли по сходной цене, – сказал старый юрист, – и ваши владения существенно расширятся, если вы, конечно, уверены, что дополнительные обязанности – это то, что вам нужно.

– Вы когда-нибудь слышали, чтобы на меня жаловались, мистер Уолл? – спросил ее отец, и Беа показалось, что в его голосе прозвучало веселье, хотя она не поняла, в чем заключалась шутка.

Она надеялась, что папа улыбнется, но он этого не сделал.

– Разумеется, нет, сэр Дэвид. У вас превосходная репутация. Вас считают самым прогрессивным землевладельцем, который к тому же живо интересуется сельским хозяйством. Когда вы приведете эти земли в порядок, у вас не будет проблем со сдачей ферм в аренду. Однако если вы будете чересчур много работать, у вас появятся другие проблемы. По крайней мере, так иногда говорит мне миссис Уолл.

– Неужели? – тихо сказал папа.

– Супруга, сэр Дэвид, может стать опорой в жизни. Я говорю о, так сказать, правильной супруге – прекрасной хозяйке, подруге. Однако я боюсь, мы наскучили очаровательной мисс Мартон! Не хотите ли конфетку, дорогая? Или вот засахаренный миндаль… мои внуки обожают его, поэтому я всегда ношу с собой коробочку.

– Благодарю вас, мистер Уолл, – вежливо ответила Беа.

Сунув за щеку миндаль, она задумалась над словами мистера Уолла. Хозяйка Роуз-Хилл… вот еще один пункт, который стоит занести в ее список требований к новой маме.

Попрощавшись с мистером Уоллом, Дэвид и Беа вышли на улицу. После душной комнаты прохладный весенний ветерок показался девочке ледяным. Она поежилась.

– Мы должны вернуться домой, Беа, пока ты не схватила простуду, – сказал папа и взял ее за руку.

Беа не хотела возвращаться в молчаливый дом. Но и к тете Луизе ей тоже не хотелось.

– Может быть, сначала зайдем в книжную лавку? – спросила она. – Вдруг у мистера Лорна есть новые книжки с картинками из Лондона? Я прочла все, что у нас есть, по-моему, уже раза два.

К тому же тетя Луиза и ее сыновья никогда не заходят в книжную лавку, так что это место можно считать безопасным.

Беа показалось, что ее отец колеблется. Это было странно, потому что он всегда очень охотно посещал лавку мистера Лорна. А сейчас смотрел на дом по другую сторону улицы, и его глаза щурились за стеклами очков, словно он пытался разглядеть что-то через пыльные оконные стекла. Наконец он кивнул и повел Беа в магазин.

Глава 3

Эмма открыла дверь в книжную лавку мистера Лорна и улыбнулась, услышав знакомый перезвон колокольчиков. Как давно она их не слышала, а ведь когда-то для нее это был самый прекрасный звук в мире. Он символизировал бегство от реальности.

Как сложатся ее отношения с книгами? Найдет ли она в них приют? Или теперь она слишком много знает о мире за пределами книжных страниц и ей уже не суждено обрести забвение от мирских тревог?

Закрывая за собой дверь, Эмма думала о том, как смотрели на нее люди на улице – молча, с жадным любопытством. Со дня своего возвращения она почти не покидала Бартон, нуждаясь только в целительной тишине дома. Дни напролет Эмма бродила по комнатам и саду, предавалась воспоминаниям о прошлом вместе с Джейн или играла с детьми. Это явно пошло ей на пользу, она снова становилась прежней Эммой, а воспоминания о жизни с Генри стирались из памяти.

Но теперь Джейн и Хейден уехали в Лондон, без них и без шумных близнецов дом погрузился в тишину. Эмме нужно было купить кое-что из обстановки для своего коттеджа, кроме того, ей нужны были книги, чтобы коротать тихие вечера у камина. Это означало, что ей придется совершить путешествие в деревню.

Разумеется, Эмма не ожидала, что ей устроят торжественную встречу. Слишком долго она отсутствовала, да и обстоятельства ее отъезда были не совсем обычными. И все же она растерялась, столкнувшись с полным молчанием. На Эмму смотрели так, будто она была призраком.

А Эмма устала быть призраком. Она снова хотела чувствовать себя живой, жить полной жизнью, как до встречи с Генри. Если бы она только знала, как вернуть былое…

Может быть, начать с книжной лавки мистера Лорна? Эмма с улыбкой оглядела знакомое место. Кажется, за те несколько лет, что она отсутствовала, оно не слишком изменилось. Полки по-прежнему были тесно заставлены книгами, груды их громоздились также на полу и ступенях лестницы.

Окна, которые и раньше не были безупречно чистыми, теперь совсем покрылись пылью и почти не пропускали дневной свет. Масляные лампы освещали темные углы и издавали легкий цветочный аромат, смешивавшийся с запахом книжных страниц, клея и старой кожи. Когда глаза Эммы привыкли к полутьме, она заметила лохматую седую голову мистера Лорна, склонившегося над книгами, беспорядочно сваленными на его столе.

– Боже милостивый, – сказал он, – неужели это вы, мисс Банкрофт?

Эмма рассмеялась от облегчения – ее узнают, значит, она уже больше не призрак. Приблизившись к столу, она пожала мистеру Лорну руку, пугающе истончившуюся и морщинистую.

– Да, это я, мистер Лорн, – ответила Эмма. – Хотя теперь я миссис Каррингтон.

– Ах да, – как-то неопределенно протянул хозяин лавки, – я помню, говорили, что вы уехали. Никто больше не донимает меня вопросами о новых книгах и о растениях.

– Вы всегда готовы были удовлетворить мою страсть к знаниям, – сказала Эмма, вспоминая о своем увлечении ботаникой. Может, стоит попробовать все сначала?

– Вы были моей лучшей покупательницей. Чем вы интересуетесь теперь?

– Не знаю, – растерянно сказала Эмма. Снимая уже слегка запылившиеся черные перчатки, она окинула взглядом старую лавку. – Я переделываю сейчас кое-что в старом коттедже, где решила поселиться, но не знаю пока, чем займусь потом. Вам, случайно, не попадались на глаза какие-нибудь старые рукописи о ранних годах Бартон-Парка?

До своего отъезда с Генри Эмма живо интересовалась историей семейного поместья, в особенности ее привлекала легенда о спрятанных сокровищах. Однако ей не удалось узнать ничего интересного.

– Нет, не думаю.

– Тогда, может быть, вы покажете мне какие-нибудь романы? Что-нибудь занимательное для долгих вечеров?

– Тут я могу вам помочь, миссис Каррингтон.

Мистер Лорн осторожно слез со своего высокого стула, взял трость и повел Эмму к шкафу, стоящему у дальней стены. Как и раньше, мистер Лорн пользовался системой классификации книг, понятной ему одному.

– Вот здесь книги, недавно полученные из Лондона. А что касается того, что вам делать дальше, тут я помочь бессилен. Я и со своими делами не в состоянии разобраться.

Эмма посмотрела на старика, удивленная печальными нотками в его голосе. Тот мистер Лорн, которого она помнила, всегда был бодр и весел, любил книги и готов был поделиться ими с каждым.

– О чем вы, мистер Лорн?

– Боюсь, мне скоро придется закрыть свою лавку.

– Закрыть? – с ужасом воскликнула Эмма. – Но у вас же единственный книжный магазин в округе!

– Увы. И это очень прискорбно. Я люблю эту лавку, как собственное дитя. Однако моя дочь хочет, чтобы я переехал к ней в Брайтон. Я плохо вижу, и мне трудно управляться с магазином.

Эмма сочувственно кивнула. Она видела, что работа в лавке, требующая распаковывания и расстановки книг, ведения документов уже не по силам мистеру Лорну. Но ей невыносима была мысль о том, что она, не успев вновь обрести свое святилище, утратит его.

– Мне очень жаль, мистер Лорн, – сказала она, – очень жаль.

– Что ж, в Брайтоне у меня тоже будет много книг, пусть даже придется просить внуков почитать мне. А может быть, кто-нибудь захочет купить у меня эту лавку и наполнит ее новыми книгами.

– Очень на это надеюсь. Хотя без вас это место уже не будет прежним.

Мистер Лорн усмехнулся:

– Вы флиртуете со стариком, миссис Каррингтон?

Эмма рассмеялась:

– А что, если и так? Я никогда не встречала другого такого человека, который мог бы говорить со мной о книгах так, как вы.

– Тогда вы должны взять какие-нибудь из этих вот романов и когда прочтете, мы с вами их обсудим. Я буду ждать вас.

Опираясь на трость, мистер Лорн направился к своему столу, а Эмма задумчиво оглядела ряды книг. «Таинственное предостережение». «Рейнская сирота». Названия звучали интригующе. Похоже, это как раз то, что ей сейчас нужно. Немного романтических глупостей, пара населенных призраками замков и штормящее море.

Эмма взобралась на шаткую лесенку, чтобы заглянуть на верхние полки, и вскоре утратила чувство времени, разглядывая книжные переплеты. Она открыла одну из них под названием «Капер» и решила пролистать несколько первых страниц, но книга так захватила Эмму, что она погрузилась в чтение, и только нежный перезвон колокольчиков на открываемой двери вернул ее в реальный мир. Вздрогнув от неожиданности, Эмма пошатнулась на старой лесенке, запуталась в юбке и потеряла равновесие.

Падая, она ощутила леденящий страх, но вместо того, чтобы удариться об пол, очутилась в крепких мускулистых руках.

От неожиданности у Эммы перехватило дыхание, комната поплыла перед глазами. Стараясь не упасть в обморок, она поморгала и отбросила упавшую на глаза вуаль.

– Благодарю вас, сэр, – выдохнула она. – У вас прекрасная реакция.

– Рад, что оказался в нужном месте, – ответил ее спаситель, и голос его показался Эмме до странности знакомым.

Мягкий, глубокий голос, похожий на бокал сладкого горячего вина в морозную ночь, успокаивающий и одновременно волнующий.

Этот голос Эмма не слышала уже очень давно и все же прекрасно его помнила.

Она испуганно подняла глаза и посмотрела в лицо сэра Дэвида Мартона. Своего спасителя.

Он смотрел на Эмму, и его неулыбчивое лицо словно было высечено из мрамора. Казалось, сэр Дэвид ничуть не изменился с того дня, когда Эмма видела его в последний раз. Черты его лица были все такими же четкими и красивыми, серые глаза за стеклами очков смотрели все так же внимательно. Лицо сэра Дэвида было покрыто легким загаром, словно он много времени проводил вне дома, и это выгодно отличало его от бледнолицего Генри, любителя ночных развлечений.

Дэвид Мартон выглядел… хорошо. Нет, лучше, чем просто хорошо. Он был опасно красив.

И все же что-то в нем изменилось. Мужчина, который и без того был замкнут и холоден, стал еще более сдержанным.

Правда, Джейн говорила, что ему многое пришлось пережить в последние несколько лет. Он потерял жену. Наверное, оба они изменились, стали старше и сдержаннее, подумала Эмма.

Сэр Дэвид смотрел на нее так невозмутимо, словно каждый день ловил падающих девиц. Он будто совсем не узнавал Эмму. Почему в присутствии этого мужчины она всегда чувствовала себя неуверенно и в то же время желала быть как можно ближе к нему? Ей вдруг захотелось узнать, что скрывается за его невозмутимостью.

Вдруг Эмма осознала, что сэр Дэвид все еще держит ее на руках, так непринужденно, словно она была легкой как перышко, а ее руки обвивают его шею. Они смотрели друг на друга в неловком молчании.

Словно очнувшись, Дэвид медленно поставил Эмму на ноги. Она покачнулась, и его крепкая рука подхватила ее под локоть.

– Простите, – пробормотала Эмма и попыталась рассмеяться, будто все произошедшее было не более чем шуткой. Только так, все переводя в шутку и скрывая свои истинные чувства, она могла общаться с Генри и его друзьями. – Я была такой неуклюжей.

– Вовсе нет, – ответил Дэвид.

Он по-прежнему внимательно смотрел на Эмму, а ей страстно хотелось проникнуть в его мысли и в то же время скрыть свои. С приятелями Генри все было гораздо проще. Они пытались флиртовать с ней или, напившись, затащить в постель. Она всегда знала, о чем они думают, и легко отделывалась от них. Стоило Эмме узнать их получше, и она могла читать их мысли, как открытую книгу.

Дэвид Мартон в этом отношении напоминал ей сонет на латыни, мудреный, загадочный, сводящий с ума.

– Боюсь, я напугал вас, – сказал он вдруг, – а эта лестница слишком шаткая.

Эмма снова рассмеялась, на этот раз искренне. Сэр Дэвид ничуть не изменился. Она помнила, как заботливость крылась за его невозмутимостью. Он был похож на средневекового рыцаря.

– О, я бывала и в более опасных местах.

Легкая улыбка тронула его губы. Странно, но, заметив ее, Эмма почему-то очень обрадовалась. Интересно, вдруг подумалось ей, может ли что-нибудь заставить его улыбнуться по-настоящему?

– Я в этом не сомневаюсь, – ответил он.

– Однако до сегодняшнего дня меня никто не спасал так, как вы.

Наконец на его губах мелькнула улыбка. Она исчезла так же быстро, как и появилась, но Эмма была уверена, что видела ее. К удивлению Эммы, на щеках Дэвида появились весьма привлекательные ямочки.

Мужчине совершенно непозволительно быть столь привлекательным. Особенно такому, как сэр Дэвид Мартон.

– Рад видеть вас здесь, мисс Банкрофт, – сказал он.

– Ах, теперь она миссис Каррингтон, сэр Дэвид, – вмешался мистер Лорн, напомнив Эмме, что она не наедине с Дэвидом Мартоном.

Она поспешно отступила, отведя его руку. Тепло его прикосновения все еще ощущалось через тонкую ткань рукава.

– Да, в самом деле, – ответил сэр Дэвид, и его улыбка спряталась за маской привычной вежливости. – Прошу прощения, миссис Каррингтон. И примите мои соболезнования в связи с вашей утратой.

Эмма кивнула. Ей показалось, что мгновение назад она увидела настоящего Дэвида, но теперь он исчез.

– И я сожалею о вашей утрате, сэр Дэвид, – сказала она. – Сестра рассказала мне о вашей жене. Я хорошо помню леди Мартон, она была очень красива.

– Вы знали мою маму? – раздался вдруг тихий голосок.

Эмма удивленно обернулась и увидела маленькую девочку, стоявшую у стола мистера Лорна. Это был самый прелестный ребенок, которого Эмме когда-либо приходилось видеть: бледное фарфоровое личико, рыжевато-золотистые волосы, выбивающиеся из-под модного капора. Девочка была очень тихой и вела себя как подобает маленькой леди. Одного этого достаточно было бы, чтобы узнать в ней дочь сэра Дэвида. А еще у нее были серые отцовские глаза.

Эмма медленно приблизилась к ней. Она не очень хорошо понимала, как вести себя с маленькими детьми. Единственными малышами, с которыми она проводила много времени, были Уильям и Элеанор, но эти буйные близнецы разительно отличались от этой девочки. Когда-то, в первые годы своего замужества, Эмма очень хотела малыша. Но потом, узнав истинную натуру своего супруга, возблагодарила Бога, что он не дал ей ребенка.

– Да, я знала твою маму, хотя и не очень хорошо. Я видела ее на балах, она всегда была самой прелестной из женщин. Думаю, когда ты подрастешь, станешь такой же красавицей.

Девочка закусила губу.

– Я не уверена, что хочу быть красивой.

Подойдя к дочери, сэр Дэвид положил ей руку на плечо.

– Миссис Каррингтон, позвольте представить вам мою дочь, мисс Беатрис Мартон. Беа, это миссис Каррингтон, сестра леди Рэмси из Бартон-Парка.

Мисс Беатрис сделала милый реверанс.

– Как поживаете, миссис Каррингтон? Мне очень жаль, что мы не видели вас в Бартон-Парке. Мне нравится там бывать.

Эмма улыбнулась ей. Девочка казалась такой тихой и печальной, что Эмме захотелось обнять ее. Однако невероятно вежливую мисс Беатрис Мартон этот жест, пожалуй, напугал бы.

Как и ее отца.

– Я долго жила за границей и лишь недавно вернулась в Бартон, – сказала Эмма. – Моя сестра с семьей на некоторое время уехала в Лондон, но вы можете навестить меня в любое удобное вам время, мисс Мартон. Мне немного одиноко в поместье.

– А что привело вас сегодня в мой магазин, сэр Дэвид? – вмешался мистер Лорн. – Неужели ваш дядюшка, мистер Сэнсом, наконец решил продать мне свою библиотеку?

– Мы зашли, чтобы купить Беатрис новую книгу. Она уже прочла все, что вы прислали в Роуз-Хилл, – ответил Дэвид. – А что до моего дяди, то вам лучше спросить его самого. Боюсь, он теперь совсем не покидает поместья, хотя вы правы – его библиотека превосходна.

– Какая жалость! – вздохнул мистер Лорн. – Я уверен, что мне не составило бы труда найти покупателей на его книги. По моему разумению, книги следует передавать только в хорошие руки.

Пока мистер Лорн и сэр Дэвид обсуждали библиотеку мистера Сэнсома, Эмма наблюдала за Беатрис. Девочка с любопытством просматривала книги, сваленные грудой на полу. Она отобрала несколько, но это бы ли не детские книжки с картинками. На корешках красовались названия вроде «В окрестностях Венеции» и «Путешествие по неизведанным землям Индии».

– Вы хотели бы отправиться в путешествие, мисс Мартон? – спросила Эмма.

Она была уверена, что эти книги слишком сложны для маленькой девочки.

Беатрис покачала головой, смущенно спрятав личико за капором.

– Больше всего мне нравится сидеть дома. Но я люблю смотреть на картинки, где изображены разные страны, и люблю, когда папа читает мне истории. Это все равно что путешествовать, не уезжая из дому.

– Да, книги для этого и созданы, – сказала Эмма. – Они позволяют нам на время окунуться в другую жизнь.

– А вы были в других странах, миссис Каррингтон?

– В некоторых.

Беатрис поколебалась мгновение, потом быстро сказала:

– Может быть, как-нибудь вы расскажете мне о них?

Сердце Эммы заныло. В словах девочки она услышала так много того, что скрывала в себе самой: неуверенность, стремление узнать жизнь и одновременно страх перед нею.

– С удовольствием, мисс Мартон.

– Беатрис, нам пора, – сказал сэр Дэвид. – Ты нашла что-нибудь интересное?

Оплатив покупки, Эмма вышла из магазина вместе с сэром Дэвидом и его дочерью. Близилось время традиционного чаепития, и людей на улице поубавилось, уже никто не глазел на Эмму. Однако она заметила миссис Браунинг, старую вдову, живущую в коттедже на другой стороне улицы. Женщина смотрела на Эмму сквозь кружевные занавески, украшавшие окна ее дома. Миссис Браунинг всегда знала обо всем, что происходило в деревне.

– Вы приехали из Бартона в экипаже, миссис Каррингтон? – спросил сэр Дэвид.

– Нет, я пришла пешком. Приятно было прогуляться после нескольких дождливых дней.

– Но, кажется, снова собирается дождь, – заметил он, – разрешите подвезти вас до дома.

Против своей воли Эмма ощутила искушение согласиться. Сэр Дэвид всегда интересовал ее, еще с того времени, когда она была юной наивной девушкой. И сейчас этот интерес, это влечение только усилилось. Каждый раз, когда Эмма смотрела в его красивые серые глаза, ей хотелось понять, о чем он думает, что чувствует. Если она примет его предложение и всю дорогу до Бартон-Парка будет сидеть рядом с ним на узком сиденье, может быть, ей удастся заглянуть под маску и хотя бы ненамного приблизиться к разгадке его тайн?

Впрочем, она уже больше не та наивная девушка. С тех пор она увидела и узнала больше, чем когда-то мечтала. И Эмма отчетливо понимала, что такие мужчины, как сэр Дэвид – респектабельные, привлекательные, – не для нее. И не важно, насколько сильно ее искушение.

Эмма заметила, как шевельнулись занавески в доме напротив, и почти физически ощутила на себе жадный любопытный взгляд. В многонациональных переполненных европейских курортных городках, где каждый бежал от чего-то и не являлся тем, кем казался, она совсем забыла, каково это – жить в деревне, где всем до всех есть дело. Где все знают твою семью… и твое прошлое.

Эмма поклялась себе удерживаться от соблазнов, ради себя и особенно ради Джейн и ее семьи. Она не может позволить, чтобы сестра, вернувшись в Бартон, услышала новые сплетни, а они наверняка появятся, если Эмма сейчас сядет в экипаж Дэвида Мартона. Кроме того, ей не хотелось, чтобы сэр Дэвид и его прелестная маленькая дочь фигурировали в этих сплетнях только потому, что сэр Дэвид проявил обычную вежливость.

Эмма понимала, что с его стороны это была именно вежливость и ничего более.

Занавеска снова шевельнулась.

– Вы очень добры, сэр Дэвид, – ответила она, – но я бы хотела прогуляться.

– Как пожелаете, миссис Каррингтон, – сказал он по-прежнему вежливо и надел шляпу, почти скрывшую его глаза. – Надеюсь, теперь, когда вы вернулись домой, мы будем видеться чаще.

– Возможно, – осторожно ответила Эмма. – Приятно было встретиться, сэр Дэвид. Счастлива была познакомиться, мисс Мартон. Я всегда рада знакомству с любителями книг.

Маленькая мисс Беатрис присела в реверансе, взяла отца за руку, и они медленно пошли по улице. Когда они скрылись из вида, занавеска на окне опустилась, и Эмма осталась одна.

Она огляделась, вдруг ощутив себя до крайности одинокой. Казалось, ей пора было привыкнуть – это чувство одиночества часто посещало ее в период жизни с Генри. По вечерам он обычно оставлял ее одну, отправляясь играть в карты. Но тогда она могла с кем-то поговорить или найти какое-то занятие для себя. Сейчас Эмма не знала, что делать.

Теперь, когда Дэвид Мартон ушел, она чувствовала себя более одинокой, чем прежде.

Оглянувшись, Эмма посмотрела на окна книжной лавки, на пыльные стекла и пустые витрины. Как и она, эти витрины ждали, что кто-нибудь наполнит их жизнью. Внезапная мысль пришла Эмме в голову, и мысль эта была столь же невероятной, сколь волнующей.

А вдруг это и есть способ найти дорогу обратно, вдохнуть жизнь в это место. Освободиться.

Эмма повернулась, толкнула дверь и решительно переступила порог лавки. Мистер Лорн, склонившийся над книгой, удивленно поднял голову и посмотрел на Эмму из-под седых лохматых бровей.

– Мистер Лорн, – выпалила Эмма, – сколько вы хотите за свою лавку?

– Миссис Каррингтон очень милая.

Дэвид взглянул на Беа, удивленный странными нотками в ее голосе. Она молчала с тех пор, как они покинули деревню, не произнесла ни слова, пока экипаж катил в Роуз-Хилл по пустой дороге мимо живых изгородей.

По правде говоря, Дэвид и сам был не настроен разговаривать. С той минуты, как он увидел Эмму Банкрофт… нет, Эмму Каррингтон, стоящую у книжной лавки. Дэвид всегда отличался благоразумием. Ему приходилось думать не только о себе, но о своем поместье, семье и в особенности о дочери. Но когда Эмма Каррингтон очутилась в его объятиях и он прижал ее к себе, благоразумие покинуло его.

В то мгновение Дэвиду показалось, что в него ударила молния. Это было неожиданно и волнующе.

Он помнил Эмму юной девушкой, какой она была до того, как покинула Бартон-Парк, а он женился на Мод. Ее зеленые глаза искрились, она была полна жизни, как солнечный весен-

ний день. Казалось, ее любопытство неутолимо, все привлекало ее внимание. С тех пор жизнь сполна наградила ее тревогами и печалями.

И вот она вернулась, все такая же очаровательная. Девичья миловидность превратилась в красоту молодой женщины, глаза словно стали больше и ярче, а простое черное платье лишь подчеркивало блеск золотистых волос и сияние кожи. Незамысловатый фасон платья не скрывал изящное стройное тело.

Тело, которое он держал в объятиях… и не хотел отпускать.

Рука Дэвида, затянутая в перчатку, сжала поводья, заставляя лошадей бежать быстрее. Он помотал головой, стараясь избавиться от нежеланных мыслей. Сейчас ему, как никогда раньше, нужно было помнить о своей ответственности.

– Ты так не думаешь, папа? – спросила Беа.

Дэвид улыбнулся ей. Она смотрела на него из своего украшенного лентами капора, и в ее глазах впервые за долгое время сверкали искорки интереса.

Вот только это был не тот интерес, которого желал бы Дэвид. Он больше никогда ни одной женщине не позволит обидеть дочь, как это сделала его жена, сбежав из дома. Если он снова женится, а когда-нибудь это случится, он выберет женщину, которая будет помнить о своем долге, будет спокойной и благоразумной. Это будет такая женщина, которая понравится Беа и которой она захочет подражать.

К сожалению, интерес в Беа пробудила Эмма Каррингтон. И в нем тоже, пропади все пропадом.

– Разве миссис Каррингтон не очаровательна? – снова спросила Беа, посмотрела на свою куклу и добавила: – И волосы у нее такого же цвета, как у моей куклы.

– Да, – вынужден был признать Дэвид. Миссис Каррингтон была очаровательна. Слишком очаровательна. – Но есть кое-что поважнее красоты, Беа, ты же знаешь.

Беа задумчиво нахмурилась:

– Няня тоже так говорит. Она говорит, что я должна думать и о душе, быть доброй и хорошо себя вести.

– Твоя няня права.

– Значит, ты хочешь сказать, что у миссис Каррингтон не добрая душа?

Дэвид рассмеялся:

– Ты слишком умная, дорогая. Нет, я не хочу сказать ничего такого. Я понятия не имею, какая душа у миссис Каррингтон.

– Но она сестра леди Рэмси, а леди Рэмси очень добрая.

– Это верно, она добрая.

– И тетя Луиза говорит, что ты опять должен жениться.

За эти несколько минут Беа наговорила больше, чем за последние несколько недель, и это так обрадовало Дэвида, что он не сразу отреагировал на смену темы разговора.

Поняв, о чем думает Беа, он встревожился.

– Возможно, в один прекрасный день я действительно женюсь, – осторожно сказал он. – Тебе нужна новая мама, а Роуз-Хилл – хозяйка. Но я уверен, что еще не встретил женщину, которую хотел бы назвать своей женой.

– А тетя Луиза сказала, что муж миссис Каррингтон умер, совсем как мама.

– Да, но миссис Каррингтон не собирается замуж. И я пока не собираюсь жениться. Мы же счастливы вдвоем, разве не так, Беа?

Дэвида беспокоил внезапный интерес дочери к вопросу его повторной женитьбы. Он думал, что она счастлива в Роуз-Хилл, что, когда горе, вызванное смертью матери, утихнет, Беа обретет свою прежнюю жизнерадостность. Он полагал, что его любовь и забота помогут Беа преодолеть ее печаль. Но что, если он ошибался?

– Да, папа, – тихо сказала Беа.

Она откинулась на спинку сиденья и до самого дома не промолвила ни слова.

Дэвид мог только надеяться, что Беа удовлетворили его объяснения. Эмма Каррингтон была не той женщиной, которую он рисовал в своем воображении, думая о будущем, да и он сам явно был не тем мужчиной, который мог бы привлечь ее внимание. Особенно если первый брак был для нее своего рода мерилом.

Но почему же тогда он не может изгнать из памяти ее сияющие глаза?

Из дневника Арабеллы Банкрофт

Сегодня за обедом я встретила самого очаровательного мужчину в мире. Это сэр Уильям, и у него, кажется, еще нет своего поместья, но король ему благоволит. И я понимаю почему. Он такой милый и хорошо разбирается в музыке, театре, книгах. А самое удивительное, что он провел много времени, беседуя со мной, несмотря на мое невежество. Он весь вечер буквально не отходил от меня, и, сказать по правде, мне не хотелось его отпускать.

Он спросил, не хочу ли я завтра прогуляться с ним по саду…

Глава 4

Мисс Мелани Хардинг было очень, очень скучно. Вздохнув, она уперлась локтями в подоконник и посмотрела в окно. Она сидит тут уже почти час, и за все это время мимо прошло не больше десяти человек! И ни один из этих десяти не представлял ни малейшего интереса. И зачем только мать отправила ее в это богом забытое место? Какая несправедливость!

Мелани обернулась и посмотрела на дядю, который, по обыкновению, дремал в кресле у камина. Кажется, это было его любимое занятие. А Мелани так надеялась, что в доме отставного адмирала будет много симпатичных офицеров. Только этой мыслью она и утешалась, когда мать объявила, что отправляет Мелани к дяде в глухую деревню, о которой никто никогда не слышал.

– Но почему?! – в отчаянии воскликнула она, наблюдая, как мать бросает в дорожный сундук платья и туфли. – Почему я должна туда ехать?

– Ты прекрасно знаешь почему, – отрезала мать, не отрываясь от своего занятия. – Потому что там никто не слышал о капитане Уитни и твоем неприличном поведении. Имей в виду, дядя будет следить за тобой.

Да, история с капитаном Уитни действительно вышла неприличная, но это была исключительно его вина, не ее. Как было Мелани не поверить в его любовь, когда он говорил такие красивые слова и посылал ей такие милые стихи. Откуда ей было знать, что он переписывал их из старой пыльной книги какого-то давно забытого поэта по имени Марло. И откуда ей было знать, что пылкие обещания капитана Уитни на поверку окажутся такой же фальшивкой?

Капитан Уитни превосходно выглядел в своем алом мундире, имел солидный доход и водил знакомство с графом. Если бы все пошло так, как надеялась Мелани и как обещал капитан, ее мать была бы в восторге. Она бы первая поздравила дочь с подходящей партией. Но Мелани стала жертвой обмана и теперь должна понести наказание.

– Если ты все равно собираешься меня отослать из дома, почему бы не отправить меня к тете Мэри в Лондон? – всхлипывая, спросила Мелани у своей жестокосердной матери.

– Потому что в Лондоне тебе нечего делать, – ответила мать, укладывая пожитки Мелани. – Там слишком много искушений. Нет уж, ты будешь жить у дяди, пока не научишься вести себя как подобает. У нашей семьи незапятнанная репутация, и не тебе ее марать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.